

Жизнь Пушкина

ТАЙНА
ДАНТЕСА,
или ПУТОВИЦА
ПУШКИНА

СЕРЕНА ВИТАЛЕ

Жизнь Пушкина

Серена Витале

**Тайна Дантеса, или
Пуговица Пушкина**

«Алисторус»

2013

Витале С.

Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина / С. Витале —
«Алисторус», 2013 — (Жизнь Пушкина)

Эта книга-сенсация – взгляд на судьбу русского гения известной итальянской пушкинистки, исследовательницы и знатока русской литературы Серены Витале. Написанная на основе документальных источников, а главное, писем Жоржа Дантеса его приемному отцу, которые впервые были предоставлены автору из семейного архива Геккернов, она выстраивает цепь событий, приведших Пушкина к трагической дуэли. Витале рассказывает о том, что друзьям Пушкина вскоре после дуэли стала известна вызвавшая ее истинная причина, но они договорились держать ее в тайне...

© Витале С., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

От автора	5
Депеши из Санкт-Петербурга	6
Шуан	9
Это роковое фланелевое белье	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Серена Витале

Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина

От автора

Критик: следователь и любящий...
Марина Цветаева

Я принадлежу к тем пушкинистам, которые считают, что тема семейной трагедии Пушкина не должна обсуждаться. Сделав ее запретной, мы, несомненно, исполнили бы волю поэта. И если после всего сказанного я все-таки обратилась к этой теме, то только потому, что по этому поводу написано столько грубой и злой неправды, читатели так охотно верят чему попало... И раз теперь благодаря длинному ряду вновь появившихся документов можно уничтожить эту неправду, мы должны это сделать.

Анна Ахматова

Барон Клод Геккерен, умерший в 1996 году, позволил мне изучать его семейный архив. Я бесконечно благодарна его памяти за доверие, которым он так щедро меня одарил, за гостеприимство и дружбу, которую он мне оказал, за удивительные истории, которыми он поделился со мной, и за ту поддержку, которую он и его жена Жанин оказали моему исследованию.

Я хочу выразить мою благодарность барону и баронессе фон Пошингер-Брей, которые пригласили меня в замок Ирльбах и оказали всяческое содействие моей работе, а также графу и графине де Николаи, которые пригласили меня в замок Мальзерб и позволили мне ознакомиться с частью хранящегося там обширного архива. Огромной поддержкой для меня были любезность, доступность и знания директора и всего персонала РГАДА в Москве.

При расшифровке плохо читаемых частей определенных рукописей я пользовалась средствами, любезно предоставленными в мое распоряжение Отделом рукописей Национальной библиотеки в Париже и полицией Саентифика в Милане, которым я и приношу искреннюю благодарность.

Я весьма обязана Сержио Ферреро, первому доброму и внимательному читателю этой книги.

Луциано Фоа и Роберто Калассо снабдили меня неоценимыми советами.

Приношу мою благодарность Элизабет Сифтон за то щедрое внимание, которое она уделила этой книге, переводчикам Энн Голдстейн и Джону Ротшильду (на английский язык. — *Примеч. пер.*), Кларенсу Брауну за его мудрые советы и Нине Хрущевой за ее неоценимую помощь...

Серена Витале

Депеши из Санкт-Петербурга

...Россия потеряла самого замечательного своего писателя и самого знаменитого поэта, Александра Пушкина. Он умер 37 лет, в лучшую пору своей деятельности, от тяжелой раны, полученной им на дуэли. Подробности этой катастрофы, которую покойный, к несчастью, сам навлек на себя своим ослеплением и неистовой ненавистью (свидетельствовавшими об его арапском происхождении), являются уже в течение нескольких дней единственным предметом разговоров столицы. Он дрался со своим собственным зятем Жоржем Геккереном. Последний – приемный сын барона Геккерена, голландского посланника, француз по рождению, носил ранее имя Дантес, был кавалергардским офицером и недавно женился на сестре г-жи Пушкиной...

Максимилиан фон Лерхенфельд-Кёфферинг, посланник королевства Бавария

29 января 1837

...Молодой француз, г. Дантес, в прошлом году законным образом усыновленный в качестве сына и наследника нидерландским послом бароном Геккереном, лишь несколько дней тому назад отпраздновал свою свадьбу с сестрою г-жи Пушкиной. Последняя, выдающаяся красавица, – супруга писателя Пушкина, стяжавшего вполне заслуженную славу в русской литературе, главным образом благодаря стихам... Отличаясь неистовым нравом и ревностью, не знавшей границ, он сделался жертвою своих подозрений относительно якобы существовавших между его женою и его свояком тайных отношений. Его ярость излилась в письме, грубо-оскорбительные выражения которого сделали дуэль неизбежною...

Отто ван Бломе, посланник королевства Дания

30 января 1837

...Эта дуэль оценивается всеми классами общества, а в особенности средним, как общественное несчастье, потому что поэзия Пушкина очень популярна, и общество раздражено тем, что находящийся на русской государственной службе француз лишил Россию лучшего из ее поэтов. Кроме того, едва прошло пятнадцать дней, как офицер сделал предложение сестре жены Пушкина, которая жила в доме покойного; говорят, что этот шаг был сделан лишь с целью прекратить пересуды, вызванные его частым посещением дома Пушкина. Дуэли здесь очень редки, и русские законы карают участников смертью...

Джордж Вильдинг ди Бутера и Ридали, посланник королевства Неаполя и обеих Сицилий

2 февраля 1837

...У господина Пушкина была молодая, необыкновенно красивая жена, которая подарила ему уже четырех детей. Раздражение против Дантеса за то, что он преследовал молодую женщину своими ухаживаниями, привело к вызову на дуэль, жертвою которой пал г. Пушкин. Он прожил 36 часов после того, как был смертельно ранен. Император среди этих обстоятельств

выказал то великодушие, которое свойственно его нраву. Его величество поздно вечером узнал о том, что Пушкин дрался на дуэли и что он безнадежен; он осчастливил поэта, написав ему несколько слов о том, что он его прощает, призывал его к выполнению христианского долга и успокоил последние минуты его жизни обещанием позаботиться о его жене и детях...

Карл Людвиг фон Фикельмон, австрийский посланник
2 февраля 1837

...Думают, что со времени смерти Пушкина и до перенесения его праха в церковь в его доме перебивало до 50 000 лиц всех состояний, многие корпорации просили о разрешении нести останки умершего. Шел даже вопрос о том, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несение тела народу; наконец, накал чувств, вызванный смертью человека, известного за величайшего атеиста, достиг такой степени, что власть, опасаясь нарушения общественного порядка, приказала внезапно переменить место, где должны были состояться торжественные похороны, и перенести тело в церковь ночью...

Август фон Либерман, прусский посланник
2 февраля 1837

...Похороны господина Пушкина отличались особенной пышностью и в то же время были необычайно трогательны. Присутствовали главы всех иностранных миссий за исключением графа Дерама и князя Суццо – по болезни, барона Геккерена, который не был приглашен, и господина Либермана, отклонившего приглашение вследствие того, что ему сказали, что названный писатель подозревался в либерализме в юности, бывшей, действительно, весьма бурною, как молодость многих гениев, подобных ему...

Карл Август фон Люцероде, посланник королевства Саксония
6 февраля 1837

...Барон Геккерен-отец написал Нидерландскому двору, прося отставить его от должности посла, занимаемой им здесь. Неизвестно, какому наказанию будет подвергнут его сын, который в качестве русского офицера находится под военным судом, но предполагают, что ему дадут возможность уехать, вычеркнув его из полковых списков, тем более, что оскорбление, полученное им от свояка, делало смертельный поединок между ними неизбежным...

Густав Нордин, секретарь посольства королевства Швеции и Норвегии
6 февраля 1837

...Император выказал великодушие сердца по отношению к вдове и детям покойного. Он назначил вдове пенсию в 6000 рублей и по 1500 рублей каждому из детей. К этим великодушным поступкам со стороны императора надо прибавить еще один, предшествовавший им, а именно, его величество, зная характер и убеждения писателя, возложил на одного из его друзей сжечь перед его смертью все произведения, которые могли бы ему повредить и которые находились в его бумагах...

Люджи Симонетти, посланник королевства Сардинии и Пьемонта
9 февраля 1837

...Его императорское величество изволил смягчить смертный приговор, вынесенный, согласно русским законам, военным судом против личности

молодого барона Геккерена, заменив его высылкой за пределы империи; и вчера утром барон в сопровождении фельдъегеря был вывезен на границу и таким образом уволен от службы России. В этом распоряжении надо удивляться еще милости и благородной доброте его императорского величества, так как все русские офицеры до сих пор бывали караемы за дуэль разжалованием в солдаты...

Кристиан фон Гогенлоэ-Кирхберг, посланник королевства Баден-Вюртемберг

20 марта 1837

...Оскорбление, которое было направлено против голландского министра в письме Пушкина, слишком ясно для уразумения и совсем неблагоприятно для его превосходительства. Он оставил здешний двор, испросив отпуск, вынужденный этим несчастным обстоятельством, и получил отказ в аудиенции его величества, но был награжден табакеркой...¹

Джон Георг Ламбтон, граф Дерам, посланник королевства Великобритания

22 апреля 1837

¹ При царском дворе было принято дарить золотую табакерку покидающему Россию посланнику другого государства. Таким образом, на дипломатическом языке для барона Геккерена табакерка означала, что его присутствие в России нежелательно («персона нон грата»). (Примеч. пер.)

Шуан

«Барон Дантес – да будет трижды проклято его имя». Так написал Николай Михайлович Смирнов в 1842 году, пять лет спустя после смерти Пушкина. Желание Смирнова более чем исполнилось – это имя проклинались тысячу раз, став синонимом порока и богоубийства. Навеки помещенный в картотеку, он появляется в справочниках как «Дантес, барон Жорж Шарль... убийца Пушкина, приемный сын Л. Геккерена» – будто «убийца» было профессией или званием, застывшим в вечной форме, как свидетельство того, что его обладатель заслужил проклятие России, вечный снимок выстрела: Черная речка, сумрачный свет позднего северного солнца, вытянутая рука, человек в конвульсиях на снегу.

Приманка, с помощью которой смерть завлекла Пушкина в свой темный мир, была красивым молодым человеком, веселым и добродушным, экспансивным и беззаботным, настоящим победителем в игре жизни. Высокий, хорошо сложенный, с волнистыми белокурыми волосами, усами, тонкими чертами лица, голубыми глазами, Жорж Дантес оставил в Санкт-Петербурге немало разбитых сердец. Все его любили, везде он был желанным гостем. На приемах он был душой общества, ухаживал за самыми знаменитыми красавицами, развлекая молодых военных казарменными байками и непристойными шутками, выбирая время развлечь матрон и тетюшек подходящей по случаю светской болтовней, обращаясь к сановникам, государственным чиновникам, дипломатам, высокопоставленным военным и членам императорской семьи с должным уважением, впрочем, никогда не утрачивая присущей ему веселости. Но настоящий его триумф начинался, как только звучали первые звуки полонеза. Он отдавался танцам с жаром, неким вдохновенным восторгом, он никогда не был одним из тех холодных денди, что лениво переставляют ноги, будто выполняя утомительную работу. Каждый мускул его был напряжен, звук его каблучков четко и громко раздавался на паркетном полу, его ноги грациозно взлетали в антраша. Не был он также и одним из тех «супермодных» типов, которые являлись поздно и исчезали до мазурки – ключевой точки танцев, магического момента любовных свиданий; это был человек, который покидал бальную залу разгоряченным, с покрасневшим лицом и в изнеможении – только после котильона, и даже тогда его хватало на последнюю остроту, последний обжигающий взгляд, под воздействием которого веера двигались живее – и с первым лучом рассвета дневники наполнялись отчетами об учащенном стуке сердца и обморочном состоянии.

Пользовавшийся большим успехом кавалер, он был мастером угодить всем дамам: никогда не был тем, кто танцевал только с самыми богатыми и красивыми девушками, напротив, он был только рад неистово закружить в своих умелых объятиях престарелую жену какого-нибудь героя войны. Он знал, как очаровывать и очаровываться. Настойчивый и рьяный мастер флирта, он предпочитал направлять свои усилия на замужних женщин, особенно на замужних женщин с широкими взглядами на мораль, поскольку с ними он мог быть более откровенным и страстным, прибегая к более смелым любезностям из своего неистощимого арсенала, не боясь вызвать бурю негодования у скромниц. Он никогда не казался грустным или меланхоличным. Другие молодые люди его возраста считали его дерзким и забавным проказником. Он мог корчить рожи, вспрыгивать на столы и диваны, прикидываться к шеям дам и делать вид, что хнычет. Он смеялся над собой и над другими и заставлял людей смеяться до слез. В разборчивом петербургском обществе он занял прочное место: приятное украшение любой вечеринки, милый дамский угодник, озорной шутник, но более всего безупречный, неутомимый танцор.

Одни косо смотрели на несколько бесцеремонное высокомерие в его манере вести себя, другие – на его склонность хвастаться успехами у женщин. Один из наблюдавших за ним на балу назвал этого кавалера «помощником конюха», но большинство любило его таким, каким он был, и никто не опасался милого молодого человека, чья слава меркла, как только он поки-

дал бальную залу – хотя бы бал был долгим и утомительным, как в Петербурге 30-х годов девятнадцатого века. За время службы в Кавалергардском ее величества полку он был сорок четыре раза упомянут в сводках за опоздания, отсутствие на службе без уважительной причины и другие нарушения дисциплины: он созывал отряд слишком громко, лениво сползал с седла, перед тем как скомандовать «вольно», зажигал сигары или садился в карету в конце смотров и парадов, не дожидаясь, когда их покинут старшие офицеры, на бивуаках выходил на дорогу за лагерем, одетый в ночной халат и накинув на плечи шинель. Начальство наказывало его дополнительными нарядами, но друзей это забавляло, и они аплодировали его беззаботности – такой французской, такой парижской – и представлявшей резкий контраст с жесткой дисциплиной, царившей в русской армии.

Его веселый характер, общительность и готовность к остроумиям заставляли забывать о его недостатках. Великий князь Михаил Павлович, большой ценитель шуток и остроумия, любил бывать в его обществе. Сам Пушкин заразительно смеялся, когда Дантес, увидев его входящим в салон с женой и двумя неизбежными свояченицами, Екатериной и Александриной, назвал его «*Pacha a trois queues*», что значит «Паша с тремя косичками», хотя слово «косичка» обозначает и другой, реже упоминаемый в обществе привесок. «Дантес, – поддразнил его однажды граф Апраксин, – говорят, вы хороши с женщинами». – «Женитесь, граф, и узнаете». Все это, конечно, по-французски. Однажды генерал Гринвальд пригласил его отобедать вместе с другими тремя офицерами, бывшими в наряде. Ординарец накрывал первое блюдо, когда масляная лампа, свешивавшаяся с потолка, рухнула на стол, забрызгав маслом пищу и обедавших, испортив весь вечер. Уходя, Дантес увековечил событие: «*Grinvald nous fait manger de la vache enragée assaisonnée d'huile de lampe*»². О шутке в тот же день доложили генералу, который с того времени перестал приглашать дежурных офицеров к своему столу, но острота уже облетела казармы Шпалерной улицы и вскоре добралась до салонов, тем самым подтвердив славу «этого молодого, красивого, дерзкого Дантеса».

Он родился 5 февраля 1812 года в Кольмаре, Эльзас, где у его семьи был дом; их обычным местом жительства было имение в Сульце, приобретенное около 1720 года Жаном-Анри Дантесом, прапрадедушкой Жоржа. Уроженец Вейнгейма, что в Палатинате, Жан Анри переехал в Эльзас, чтобы вступить во владение собственностью, которую он унаследовал от своего отца: доменными печами в Белфорте и серебряными рудниками в Жироманьи; позднее он управлял литейным заводом в Обербрюке и основал оружейный завод в Клингельтале. Способный и предприимчивый, Жан Анри Дантес в конце концов приобрел имение и замок в Блюггейме, а также земли и имение Бринкгейм, ранее принадлежавшие Фугтерам; в Бургундии ему принадлежали имения Лонжепьер, Виллекомте и Верно. В декабре 1731 года, за два года до смерти, письма от королевского дома известили его о том, что ему присвоен титул барона. Его сын, Жан Филипп, и затем его племянник, Жорж Шарль, удачно распорядились фамильным наследством, упрочив свой социальный статус женитьбой на представительницах французской и немецкой аристократии.

Закат фортуны линии Дантесов начался с водоворота событий 1789 года. Собственность Жоржа Шарля, бежавшего из Франции, была конфискована, его сын Жозеф Конрад, обвиненный в принадлежности к отрядам, пытавшимся помочь королю Людовику XVI, бежал в Варенн в июне 1791 года. Он нашел убежище у своего немецкого дяди, барона фон Рейтнера. Отец и сын возвратились в Сульц 10 прериаля Пятого года по революционному календарю, и

² «Гринвальд заставил нас есть мясо бешеной коровы с приправой из лампового масла» – непереводимая игра слов, поскольку выражение «есть мясо бешеной коровы» было идиоматическим и означало «оставаться голодным». Но ни офицеры гвардии, ни завсегдатаи петербургских салонов не нуждались в переводе. Французский язык был основным языком общения в российском высшем обществе, и Дантес выучил лишь несколько русских фраз, необходимых для того, чтобы передавать приказы подчиненным и отвечать начальникам.

с Жоржа Шарля было снято клеймо эмигранта. Семейная собственность была восстановлена 16 брюмера Десятого года. В 1806 году Жозеф Конрад женился на Марии Анне Луизе фон Гатцфельдт, аристократке из Майнца. Реставрация принесла семейству Дантеса мир и процветание. Уже член генерального совета Верхнего Рейна, Жозеф Конрад также занимал место в палате депутатов с 1823 по 1828 год. Он никогда не брал слова, участвуя в обсуждениях только для того, чтобы внести предложение об их закрытии, за что получил прозвище Барон-Заккрытие. После революции 1830 года он вернулся в Сульц, глубоко задетый новым политическим потрясением.

События июля 1830 года также безвозвратно изменили жизнь Жоржа Дантеса, третьего ребенка Жозефа Конрада и его первого сына. В 1829 году, поучившись в Бурбонском лицее в Париже, юный Жорж поступил в военную школу в Сен-Сире; на следующий год вместе с другими верными королю Карлу X людьми он вышел на улицы, чтобы поддержать государя, свергнутого Июльской революцией. Когда их усилия оказались тщетными, он не скрывал своего враждебного отношения к «буржуазному королю» Луи Филиппу и, естественно, был исключен из Сен-Сира. Вернувшись в Сульц, он не смог приспособиться ни к провинциальной жизни, ни к семейной атмосфере. Барон Жозеф Конрад, обманутый нечестными сослуживцами и советчиками, воспользовавшимися неопытностью барона, вынужден был предоставить кров армии родственников и, почти доведенный до нищеты июльской монархией, чувствовал себя удрученным и несчастным. В 1832 году, когда преждевременно умерла его мать, Жорж Дантес потерял все надежды на будущее в своей стране: он был среди сторонников герцогини Беррийской, которая безуспешно пыталась разжечь вооруженное восстание в Вандее. Теперь он находил и Сульц, и Францию равно невыносимыми и принял решение продолжить военную карьеру в иностранной армии.

Сначала он попытал счастья в Пруссии, где семейные связи обеспечивали ему благоволение принца Вильгельма, но предложенная ему должность унтер-офицера не удовлетворяла его амбиций, – в конце концов, он был бывшим курсантом известной военной школы. Тогда наследник прусского трона предложил Дантесу искать счастья в России, где шурин Вильгельма, царь Николай I, разумеется, принял бы французского легитимиста с распростертыми объятиями. 24 сентября 1833 года граф фон Герлах снабдил Жоржа Дантеса рекомендательным письмом, подписанным принцем Вильгельмом Прусским и адресованным генерал-майору Адлербергу, высокому чину в русском военном ведомстве. С этим письмом и весьма скромной суммой на руках молодой человек отправился в далекую, огромную, неизвестную Россию. Там у него было, по крайней мере, несколько родственников с материнской стороны: граф и графиня Нессельроде и граф и графиня Мусины-Пушкины. Мусины-Пушкины, как и сам Пушкин, были потомками Радши, жившего в Киеве в XII веке и бывшего подданным Всеволода II. Через них Жорж Дантес имел отдаленное родство с поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным.

Проезжая по Германии, он простудился; сначала он не придавал этому значения, рассчитывая на свою крепкую, выносливую натуру, но недуг быстро развился, и острое воспаление приковало его к постели в каком-то маленьком захолустном городе. Медленно потянулись дни с грозным признаком смерти у изголовья заброшенного на чужбине путешественника, который уже с тревогой следил за быстрым таянием скудных средств. Помощи ждать было неоткуда, и вера в счастливую звезду покидала Дантеса. Вдруг в скромную гостиницу нахлынуло необычайное оживление. Грохот экипажей сменился шумом голосов; засуетился сам хозяин, забегали служанки. Это оказался поезд нидерландского посланника, барона Геккерена, ехавшего на свой пост при русском дворе. Поломка дорожной берлины вынуждала его на продолжительную остановку. Во время ужина, стараясь как-нибудь развлечь или утешить своего угрюмого, недовольного постояльца сопоставлением несчастий, словоохотливый хозяин стал ему описы-

вать тяжелую болезнь молодого одинокого француза, уже давно застрявшего под его кровом. Скуки ради, барон полюбопытствовал взглянуть на него, и тут у постели больного произошла их первая встреча. Дантес утверждал, что сострадание так громко заговорило в сердце старика при виде его беспомощности, при виде его изнуренного страданием лица, что с этой минуты он уже не отходил более от него, проявляя заботливый уход самой нежной матери. Экипаж был починен, а посланник и не думал об отъезде. Он терпеливо дождался, когда восстановление сил позволило продолжать путь, и, осведомленный о конечной цели, предложил молодому человеку присоединиться к его свите и под его покровительством въехать в Петербург. Можно себе представить, с какой радостью это было принято!

Провинциальная немецкая гостиница, путешественник на пороге смерти, эскорт, сделавший вынужденную остановку, внезапное оживление, шум взволнованных голосов, достигший слуха больного сквозь туман бреда... раздраженный новоприбывший, вынужденный внести нежелательные изменения в свои планы, скука, словоохотливый держатель гостиницы, лестница, дверь, молодой незнакомец; его красивое лицо, искаженное страданием, тело, по которому пробегала дрожь; отсутствующий взгляд, устремленный на темные тени, кружащиеся над его постелью. Нежная забота. Медленное возвращение в мир, благодарность человеку, который вырвал его из когтей смерти, короткие совместные прогулки возле гостиницы, а затем в лесу на окраине богом забытого городка, долгие беседы, признания, планы...

Насколько можно доверять этой сказке о мягком и неотвратимом вмешательстве Судьбы, о трогательном, романтическом пересечении жизненных путей под мрачным крылом болезни и смерти? Вероятно, с осторожностью, поскольку мы имеем дело с версией событий, опубликованной в начале XX века Александрой Петровной Араповой, дочерью вдовы Пушкина и ее второго мужа. Арапова перечисляет события отдаленного прошлого, о которых она ничего не знала непосредственно или пользовалась источниками сомнительной объективности. И большая часть из того, что она писала – ее страстное перо брызгало плохо скрываемой злобой на Пушкина, ее чернила были окрашены в тона бульварного романа, – должно было защитить память ее умершей матери (которой Россия никогда не смогла простить смерть своего величайшего поэта) от «несправедливых и часто оскорбительных суждений». Поэтому мы можем подвергнуть сомнению многое в рассказанной ею истории, включая первую встречу Жоржа Дантеса и Якоба ван Геккерена.

Мы не знаем точно, когда нога Дантеса впервые ступила на российскую землю. Арапова говорит, что он прибыл 8 октября 1833 года. В этот день, согласно сообщению газеты «Санкт-Петербургские ведомости», пароход «Николай I», пришел в Кронштадт после 78-часового путешествия, «с 42 пассажирами на борту, среди которых был королевский голландский посланник, барон Геккерен». Если Дантес действительно был среди этих сорока двух пассажиров, рассказ о серьезной болезни и медленном выздоровлении пахнет преувеличением, поскольку 24 сентября он все еще был в Берлине и должен бы был сесть на «Николай I» в Любеке 5 октября. Это только первый узел в сплетении несоответствий, противоречий, полуправд и порой откровенной лжи, что должен распутать тот, кто исследует трагедию Пушкина или ее отдаленные причины.

Старая регистрационная книга, сохранившаяся в архивах Нанта, говорит нам о том, что только 2 ноября 1833 года Жорж Шарль Дантес, «землевладелец, 22 лет, уроженец Кольмара (Верхний Рейн)», уведомил французское посольство в Петербурге о своем прибытии в Россию. Он остановился в английской гостинице на Галерной улице (Тюремная улица – предрекающий голос Судьбы), на третьем этаже, апартаменты номер 11.

Луи Метман, внук Дантеса, пишет: «Интерес, проявленный царем Николаем во многих отношениях, семейные связи Дантеса в Германии и России, внешность, которая согласно порт-

ретам того времени была весьма привлекательна, вскоре обеспечили молодому офицеру желанное место в салонах Петербурга. Ему повезло встретиться с бароном Геккереном-Бевеерваардом, посланником короля Голландии при дворе русского императора, и барон, привлеченный его умом и приятным обращением, проявил к нему интерес и стал регулярно переписываться с его отцом».

Другими словами, Метман полагает, что молодой француз встретился с голландским посланником только после своего прибытия в Петербург и завоевания благоволения царя и симпатий салонов. Кому верить? Все, что мы знаем наверняка, это то, что 9 декабря 1833 года Жозеф Конрад Дантес следующим образом ответил на письмо Якоба фон Геккерена: «Не могу выразить словами мою благодарность за всю Вашу доброту по отношению к моему сыну, и я надеюсь, что он окажется достойным ее. Письмо Вашего превосходительства сняло груз с моего сердца, поскольку я не могу отрицать, что меня беспокоила его будущность. Я боялся, что его наивность и беззаботность могут привести его к людям, которые нанесут ему вред, но благодаря Вашей доброте и протекции, которую Вы ему сделали, обращаясь с ним, как с другом, я успокоился. Надеюсь, его экзамен проходит хорошо».

Константин Карлович Данзас, друг Пушкина, вспоминал:

«Снабженный множеством рекомендательных писем, молодой Дантес приехал в Россию с намерением вступить в нашу военную службу. В числе этих писем было одно к графине Фикельмон, пользовавшейся особенным расположением покойной императрицы. Этой-то даме Дантес обязан началом своих успехов в России. На одном из своих вечеров она представила его государыне, и Дантес имел счастье обратить на себя внимание ее величества... В то время в Петербурге был известный баталический живописец Ладюрнер... Покойный государь посещал иногда его мастерскую, находившуюся в Эрмитаже, и в одно из своих посещений, увидя на полотне художника несколько эскизов, изображавших фигуру Людовика Филиппа (более поздний источник утверждает, что это были карикатуры), спросил Ладюрнера: «Это не вы, случайно, развлекаетесь подобными работами?» – «Нет, государь! – отвечал Ладюрнер. – Это мой соотечественник, легитимист, как и я, господин Дантес». – «Ах, Дантес, я его знаю, императрица говорила мне о нем», – сказал государь и пожелал его видеть. Ладюрнер вытащил Дантеса из-за ширм, куда последний спрятался при входе государя. Государь милостиво начал с ним разговаривать, и Дантес, пользуясь случаем, тут же просил государя позволить ему вступить в русскую военную службу. Государь изъявил согласие».

И на сей раз было бы соблазнительно подумать о мягком вмешательстве Судьбы, но графиня Долли Фикельмон, жена австрийского посланника в Петербурге, до января 1834 года не давала балов и приемов, которые почтили бы своим присутствием их императорские величества. Даже в обычное время она вела тихий образ жизни, и зимний сезон еще не открылся, когда она в начале ноября 1833 года оплакивала преждевременную смерть своей кузины Адели Стакельберг; посланный Провидением ожог на ноге также предоставил ей удобный предлог продолжать скрывать от света свое удрученное сердце. Таким образом, знакомство с императрицей, которое вспоминает Данзас, могло произойти только позже, когда Дантес уже готовился к экзаменам для вступления в русскую армию. Должно быть, кто-то ошибается, или что-то забывает, или что-то путает, и теперь ход событий принимает неясные и смазанные контуры легенды. Тем не менее в любом случае сверкающий ореол звездной пыли начинает исходить от Жоржа Дантеса, навсегда согретого теплым дыханием благоприятных ветров. Истинно, этот человек родился в рубашке.

В отличие от своего молодого протеже, барон Якоб Дерк Анне Борхард ван Геккерен-Бевеерваард, направленный в Петербург в 1823 году в качестве поверенного в делах, а затем посланника Нидерландов, не был так единодушно принят; многие боялись его ядовитого языка и неискренней интриганской натуры. Долли Фикельмон писала о нем: «Здесь его счи-

тают шпионом Нессельроде (министра иностранных дел России), догадка, которая дает самое ясное представление о его личности и характере». И после того, как узнала его лучше: «Я не могу не признать, что он неприятен, по крайней мере, в своих речах, но я желаю и надеюсь, что все, что говорят о нем в обществе, несправедливо... Хотя я считаю его человеком опасным для общества, мне льстит его присутствие в моем салоне».

Портрет Геккерена, нарисованный графиней Фикельмон, является самым благосклонным из всех дошедших до нас русских мнений. После смерти Пушкина кольцо ненависти и презрения замкнулось вокруг голландского посланника: «эта старая змея», «человек хитрый, расчетливый еще более, чем развратный», «человек злой, эгоист, которому все средства казались позволительными для достижения своей цели, известный всему Петербургу злым языком, перессоривший уже многих, презираемый теми, которые его проникли», «низенький старик, всегда улыбающийся, отпускающий шуточки, во все мешающийся», «замечательно безнравственный человек», «известный своим распутством, окружавший себя молодыми людьми нагло разврата и охотниками до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части».

Лоб с залысинами, невыразительные бледные глаза, греческий профиль, чувственные губы, широкая борода, узкие плечи, худощавое телосложение. Ни жены, ни известных отношений с женщинами. Изысканные, безупречные манеры; элегантный и воспитанный, он был знаток музыки и хороших книг. Его дом на Невском проспекте – «крошечная миниатюра, но жемчужина элегантности» – был наполнен картинами известных художников, скульптурами, антиквариатом, серебром, бронзой, хрусталем, гобеленами. Его высоко ценили в салонах: «Он рассказывал самые занимательные истории и бывал награжден общим сердечным смехом». Он был частым гостем цвета петербургской аристократии. Вылощенный и пронизательный, равно внимательный как к важнейшим историческим событиям, так и к самому тихому салонному шепоту, он находил самые разнообразные и конфиденциальные источники, впитывал все, что могли вместить его большие гибкие уши, и включал все это в свои отчеты в Гаагу. У него было эластичное представление о правде, и ничто из того, что он говорил, «не считалось содержащим хоть намек на искренность». Хотя ему в октябре 1833 года исполнилось только 43 года, все называли его «стариком». Сам Пушкин однажды грозил: «С сыном все кончено. Теперь мне старичка подавайте».

Так или иначе, где-то в Европе, в какой день – точно неизвестно, этот желчный и едва ли мягкосердечный человек «роковым» образом вторгся в жизнь Жоржа Дантеса, французского «милого ребенка», который оказался впоследствии смертельным ядом для России. Самым важным для Дантеса была финансовая поддержка Геккерена, поскольку сотня луидоров в год, посылаемых Дантесу его отцом, никак не могла покрыть огромных представительских расходов, которые требовались от любого члена престижной элитной когорты кавалергардов, большинство которых составляли отпрыски знатнейших и богатейших семейств российского дворянства. В общем, Дантес не мог позволить себе никакой роскоши в первые дни своего пребывания в Петербурге и появлялся на публике в не совсем приличном, вышедшем из моды наряде: длинном черном сюртуке поверх серых панталон с красным кантом.

Но у госпожи Удачи были могущественные подручные в виде рекомендательных писем. 5 января 1834 года граф Адлерберг писал Жоржу Дантесу:

«Сегодня генерал Сухожанет сообщил мне, дорогой барон, что он намерен проэкзаменовать вас сразу после Крещения и что он надеется, что вы сдадите экзамен за одно утро при условии, что все профессора будут в этот день не заняты. Генерал подтвердил мне, что уже просил господина Геккерена сообщить, где вас можно найти, чтобы немедленно оповестить, как только великий день будет назначен; хорошо было бы, если бы вы встретились с ним и получили все разъяснения. Он также обещал мне, что не будет слишком строг, как говорится, однако не слишком полагайтесь на это, не забудьте повторить все то, что вы учили, позаботьтесь о том, чтобы они заметили вашу начитанность...

P.S. Император спрашивал меня, учите ли вы русский. Я решил, что лучше ответить «да». Рекомендую вам найти учителя русского языка».

27 января 1834 года Жорж Дантес сдал вступительные экзамены. Освобожденный от экзаменов по русской словесности, военному судопроизводству и уставу, он сообразительностью компенсировал пробелы в образовании. Говорят, что, когда его спросили, какая река протекает через Мадрид, он признался, что не знает, но вызвал улыбку на строгих лицах членов комиссии, добавив: «И подумать только, я купал там свою лошадь!» 8 февраля он был произведен в корнеты Кавалергардского полка, а шесть дней спустя – зачислен в седьмой резервный эскадрон.

26 января 1834 года Пушкин писал в своем дневнике: «Барон д'Антее и маркиз де Пина, два шуана – будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет». Вероятно, это случилось вскоре после того, как они познакомились, возможно, когда Пушкин, обедая с Дантесом в известном петербургском ресторане, сидя за табльдотом, оказался рядом с молодым французом. Но пока оставим их у Дюме, в веселой и беззаботной мужской компании, не подозревающих о той ненависти, которая разделит их позже, и смакующих кровавый ростбиф, трюфели и страсбургский паштет. Перемотав вперед пленку, давайте рассмотрим судьбу этих двух шуанов на русской земле. Маркиз Пина никогда не служил в гвардии, а служил в Замошском стрелковом полку, откуда его выгнали за кражу серебра. А Дантес был лишен звания и выслан из России за пролитие крови самого чистого ее певца, лишив страну ее солнца.

«Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства?» – спрашивал Пушкин. И в самом деле, часть мемуаров Фредерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины Прусской, должным образом переименованной в Александру Федоровну после венчания с Николаем Павловичем Романовым 1 июля 1817 года, сохранилась вместе с ее дневниками – крошечными блокнотами, испещренными немецкими каракулями, тайное прибежище нежной души, погруженной в радостное ликование, покрытое многочисленными розовыми вуалями, защищавшими ее от реального мира. Одна из многих немецких императриц, всходивших на русский трон, она была красавицей-блондинкой, чья воздушная грация поражала самого Пушкина: «Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже тридцать пять лет и даже тридцать шесть». Те, кто хорошо ее знали, смотрели на нее как на девочку, впервые столкнувшуюся с жизнью: она имела невинное врожденное чувство неведения зла и «говорила о несчастьях как о мифе». Она любила нравиться и наивно флиртowała с мужчинами. Она обожала танцевать. Она танцевала ночи напролет, подвергая опасности свое хрупкое сложение, великолепно двигаясь, подобно воздушному силфу, созданию, парящему между небом и землей, *Tochter der Luft*, «дочь воздуха».

Дневникам танцующей императрицы мы обязаны упоминанием о событии, которое, по всей вероятности, и было дебютом кавалергарда Жоржа Дантеса в петербургском высшем обществе: «28 февраля 1834 года... В 10.30 мы приехали к Фикельмонам, где я переоделась в комнате Долли в белое платье с лилиями, очень красивыми... мои лилии скоро завяли. Дантес³ продолжал смотреть на меня». Был ли Дантес настолько дерзким, чтобы бросать на царицу долгие взгляды? Была ли она также очарована этим опасным для женщин взором? Можно опустить это нечистое предположение. Дело в том, что сердце Александры Федоровны билось неровно (но целомудренно и невинно) при виде другого молодого офицера гвардии. Ее, вероятно, поразило восхищенное изумление, восхищенный блеск этих больших голубых глаз, устремленных на нее, на Николая I (казавшегося еще более высоким и внушительным в

³ Уроженка Германии, царица была не единственной, путавшей написание его имени, которое часто писалось как «Dantais», «Dantesse», «Dantest». Его товарищи по гвардии находили в нем комическое сходство с «dentist» (зубной врач). («Он начал как дантист, а теперь он доктор», – говорили они, когда его усыновил Геккерен, чье имя несколько напоминало русское «лекарь» – доктор.) В конце концов принятым в России написанием стало «Dantes».

своей австрийской гусарской форме) и на блестящую толпу гостей, разукрашенную драгоценностями и звездами, – совсем новый мир, теперь великодушно открывающий перед молодым иностранцем свои двери.

Имя Жоржа Дантеса, хотя и оставленное для истории августейшей свидетельницей, затем выпадает из страниц петербургского общества до зимы 1835/36 года. В этом нет ничего удивительного. Светские столичные львы смотрели на Дантеса как на котильонного принца, приятного, жизнерадостного француза, чьи влиятельные друзья доставили ему место в гвардии. Однако удивительно, что его имя не упоминается немногочисленными истинными друзьями голландского посланника, такими, как Отто фон Брей-Штейнбург, поверенный в делах баварского посольства. В письмах графа Отто к своей матери Софи в Митау часто упоминается барон Геккерен, «остроумный и очень забавный человек, который был очень добр ко мне», но также «холодный и не очень приятный человек, однако способный оказывать истинные услуги тем, к кому он чувствовал благоволение». И все же ни слова о Дантесе, который был частым гостем элегантной частной резиденции, прилежавшей к голландскому посольству. Баварский и голландский дипломаты стали некой «неразлучной парой», их дружба выросла и укрепилась настолько, что Брей был серьезно обеспокоен, когда Геккерен серьезно заболел: «Я проводил с ним столько времени, сколько мог, и горько сожалел о своих скудных познаниях в уходе за больными. Он в таком состоянии, что едва замечает присутствие друзей». И опять ни слова о Дантесе, который, должно быть, проводил долгие и тревожные часы у постели посланника.

19 мая 1835 года граф фон Брей сообщает своей матери: «На днях я сопровождал Геккерена в Кронштадт... С большим сожалением должен был я расстаться с другом, который так много сделал, чтобы мое пребывание в этом городе было приятным. Мне будет не хватать его и в каждодневной жизни, и в моих привязанностях, и ни в каком отношении заменить его я не смогу. Он направляется в Баден-Баден... Мы вернулись из Кронштадта в Петербург в сильный шторм, на одном из судов Алексея Бобринского, работая наравне с членами экипажа, несмотря на ужасное недомогание». И опять ни слова о Дантесе, который находился на борту того же судна. Была ли личность французского офицера настолько бледной, что не стоила упоминания? Или ближайшие друзья Геккерена намеренно хранили молчание о его молодом друге? И если да, почему?

*Жорж Дантес – Якобу ван Геккерену,
Петербург, 18 марта 1835 года*

«Мой дорогой друг, ты не можешь представить себе, какое удовольствие доставило мне твое письмо и как оно меня успокоило, я ведь действительно ужасно боялся, что у тебя случатся судороги от морской болезни. Нам меньше повезло в нашем путешествии, поскольку наше возвращение было самой забавной, хотя и необычайной вещью – конечно, ты вспоминаешь ужасный шторм, который разыгрался, когда мы тебя покинули. Что ж, он становился все больше и больше, когда мы вошли в залив... Брей, который устроил такой шум на большом корабле, не мог решить, какому святому молиться, и немедленно предложил нам не только содержание обеда, который он ел на борту, но и всего, переваренного им в последнюю неделю, в сопровождении проклятий на всех языках».

Париж, начало лета 1989 года, спустя 152 зимы и 153 весны после смертельной раны, нанесенной Дантесом Пушкину. Чердак квартиры в шестнадцатом округе, серая исхоженная лестница, старые деловые бумаги, принадлежащие достойному пожилому владельцу квартиры, фотографии, открытки, печатные издания, личные письма. И затем внезапно то, о чем вы мечтали, но не смели и надеяться: связка старых писем из другой эры, другого мира.

Похороненные – или спрятанные? – более полутора столетий в личных папках семейства Геккерен, письма, написанные Жоржем Дантесом Якобу ван Геккерену в начале мая 1835 года, являются настоящим чудесным открытием для любого исследователя событий, приведших к последней дуэли Пушкина. Дар от крылатого вестника богов внезапно позволяет услышать голос – а также узнать мысли и чувства – человека, который в русский период своей очень долгой жизни не оставил после себя никакого наследия, кроме нескольких острот и ужасного бремени вины. Легенда обязывает: один последний штрих к драме в деле Жоржа Дантеса. Один последний штрих – к его удаче? Об этом трудно судить.

Это роковое фланелевое белье

*Дантес – Геккерену,
Петербург, 18 мая 1835 года*

«Пропать, оставленную твоим отсутствием, невозможно описать. Я могу сравнить ее только с тем, что ты, возможно, ощущаешь, потому что, хотя ты иногда и ворчал, встречая меня (я, конечно, говорю о тех случаях, когда ты был страшно занят), тем не менее, я знал, что ты был счастлив немного поболтать со мной и что видеть друг друга в любое время дня стало для тебя такой же необходимостью, как и для меня. Я ехал в Россию, думая найти здесь только чужих, – и вот, провидение послало мне тебя! Так что ты не прав, называя себя моим другом, потому что друг не сделал бы для меня всего того, что сделал ты, даже не зная меня; в конце концов ты меня избаловал, я привык к этому, поскольку так быстро привыкаешь к счастью, и со всем этим снисходительность, которую я никогда бы не нашел даже в собственном отце: и разве, окруженный людьми, завидующими моему положению, как ты полагаешь? – не чувствую я разницу и не говорит мне каждый час дня, что тебя здесь больше нет... Прощай, мой милый друг. Позаботься о себе и чуть больше веселись...»

Предупреждение перед тем, как продолжить: даже при снисходительном переводе – с прибавлением где надо запятой или точки, правкой согласования времен, исправлением диковинной грамматической ошибки – письма Жоржа Дантеса нуждаются в великодушном читателе, читателе-редакторе, склонном не обращать внимание на ошибки и приводить в порядок стиль, свидетельствующий о слабом знании правил синтаксиса, да и вообще письменной речи. Луи Метман сказал о своем дедушке: «Ни в молодости, ни в зрелом возрасте он не проявлял почти никакого интереса к литературе. Домашние не припомнят Дантеса в течение всей его долгой жизни за чтением какого-нибудь художественного произведения».

В конце мая барон Геккерен прибыл в Баден-Баден на воды, на чем настаивал доктор Задлер после приступа холеры, который чуть не отправил его к Создателю, но также и для того, чтобы встретиться с Жозефом Конрадом Дантесом (отцом Жоржа. – Примеч. пер.), который посетил этот курорт с Альфонсом, вторым своим сыном. Геккерен хотел обсудить с Жозефом Конрадом свою заветную идею, с которой он уже некоторое время носился: дать Жоржу имя Геккеренов и сделать его наследником своего состояния. Но даже представителю одного из старейших голландских родов было сложно усыновить француза, состоявшего на действительной военной службе в Российской Императорской гвардии, двадцати лет от роду, чей настоящий отец был жив и здоров. Хорошо осознавая стоящие перед ним препятствия, Геккерен был полон решимости использовать все свои дипломатические и ораторские способности, чтобы обойти или преодолеть их. Он знал, что может рассчитывать на расположение своего короля, которому он так долго и преданно служил, защищая интересы маленькой Голландии при одном из самых могущественных дворов Европы, однако первым шагом должно было стать получение согласия настоящего отца Жоржа.

Возможно, во время дневной прогулки по тенистым аллеям Баден-Бадена, а возможно, после вечерней игры в вист, но в какой-то момент он рассказал Жозефу Конраду об ужасной болезни, которую он только что перенес, и о тоске и чувстве пустоты, которые осаждают человека, лишенного потомства, когда он сталкивается со смертью. Возможно, он признался, как страстно хотел бы иметь семью: его собственная никогда не могла простить его обращение в католичество и с тех пор относилась к нему либо холодно, либо откровенно враждебно. Возможно, он описал беспокойную жизнь молодого человека, одинокого в заснеженной чужбине, молодого человека, изводимого завистью окружающих и объекта многих искушений, проис-

ходящих от его живого и буйного характера. Так или иначе, ему не только удалось завоевать доверие Жозефа Конрада, но и тронуть его сердце. Подтверждение этому пришло в конце июня в письме Жоржа: «Мой бедный отец очарован и пишет мне, что невозможно питать привязанность большую, чем ты питаешь ко мне, что мой портрет постоянно с тобой, благодарю тебя, тысячу раз благодарю, мой дорогой». Якоб ван Геккерен обещал своему будущему – как его назвать? – соотцу, что он навестит его в Сульце, как только окончательно поправится.

21 мая Жорж Дантес отправился в Павловск, за 25 верст от столицы, где у гвардии был регулярный летний лагерь. Здесь он вел тяжелую, изнурительную жизнь, находясь на постое в смрадной общей комнате избы, которую он делил с несколькими крестьянами. С огромным усилием удавалось ему найти тихий уголок, где он мог, урвав время, написать своему далекому другу письмо: «Муштра и муштра, маневры и маневры, и вдобавок ко всему эта ужасная погода, меняющаяся каждые два дня, сегодня удушающая жара, завтра такой холод, что не знаешь, куда деться». По сравнению с этим недели, проведенные в Вандее, показались ему приятными праздниками. Россией правил нестигаемый солдат, который любил демонстрировать – подданным, миру и самому себе – мощь и железную дисциплину своих вооруженных сил. В этой утомительной череде дней было только два ярких пятна: блестящие вечера в честь выдающихся гостей, таких, как Фридрих, принц Нидерландский; и «Императрица продолжает быть добра ко мне, потому что среди трех приглашенных от полка обязательно приглашен и я». Когда гвардия в конце концов покинула Павловск и прибыла на свои квартиры в Новую Деревню, Жорж Дантес пустился в стремительный водоворот светской жизни Островов – паутины островков в Финском заливе, архипелага лугов, лесов и садов, исчерченных бесчисленными протоками, ручьями и каналами, испещренных прудами и озерами. Чуть больше десятилетия Острова были модным местом отдыха петербургской аристократии, которая за бешеные деньги снимала здесь дачи, местом выступления французской труппы и даже водным курортом (вода, конечно, ввозилась, любимая вода императрицы из Эмса), славившимся роскошным залом для приемов. Кроме балов, не проходило и дня без parties de plaisir, пикников, лодочных прогулок и прогулок верхом. Имена амазонок – сестер Гончаровых – были у всех на устах на Островах в тот сезон из-за искусности и грации, с которыми они управляли чистокровными лошадьми знаменитых конюшен Полотняного Завода. Самая младшая и самая красивая из сестер была замужем за Пушкиным. Они проводили лето на Черной речке, возле Новой Деревни, и наш французский офицер, казалось, становился более галантным и остроумным в их обществе. Кошмар учений закончился, и это второе российское лето было бы совершенно восхитительным, если бы не раздражающие желудочные боли, которые мучили его уже несколько месяцев. «Но в любом случае, не беспокойся, – уверял он Геккерена. – Когда ты вернешься в Петербург, я буду уже в хорошей форме для того, чтобы сжать тебя в своих объятиях так, что ты вскрикнешь».

*Пушкин – Александру Христофоровичу Бенкендорфу,
Петербург, 26 июля 1835 года*

«Граф, мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость, просить еще о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к тому, кто удостоил быть моим провидением. Из 60 000 моих долгов половина – долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя. Итак, я умоляю его величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне возможность уплатить эти 30 000 рублей и, во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалованья впредь до пога-

шения этого долга. Поручая себя вашей снисходительности, имею честь быть с глубочайшим уважением и живейшей благодарностью...»

Геккерен продолжал демонстрировать свою привязанность к Дантесу предложениями денег, которые постоянно отвергались с вежливостью и осторожностью, удивительными в человеке, чей родной отец упрекал его в мотовстве. «Мой дорогой друг, – писал Дантес, – ты всегда безосновательно беспокоишься о моем благополучии, перед отъездом ты оставил мне средства, чтобы жить достойно и с комфортом... Если я ничего не прошу, это значит, я ни в чем не нуждаюсь... Я все еще далек от могилы, и у нас есть шанс вместе потратить те деньги, которые ты всегда так великодушно мне предлагаешь». Несмотря на эти убедительные протесты, барон продолжал слать деньги и подарки и уплачивал долги своего протеже. По всей вероятности, смущенный и обеспокоенный такой щедростью, Дантес отложил в сторону свой небрежный, разговорный французский язык, стараясь более или менее изысканно выразить свою благодарность человеку, стремящемуся удовлетворить все его потребности и предупредить все его желания, человеку,двигающему небо и землю, чтобы обеспечить ему счастливое будущее, свободное от тени нужды, под теплым крылышком нового любящего отца.

К сожалению, это будущее оказалось более отдаленным, чем ожидалось, поскольку по голландскому закону человеку моложе 50 лет не разрешалось усыновлять. «Я не имею нужды в бумагах, документах и свидетельствах, – писал Дантес, когда узнал об этом непредвиденном препятствии. – У меня есть твоя дружба, которая продлится, я уверен, до того времени, как тебе исполнится пятьдесят, и она лучше, чем все бумаги в мире». Утешенный теплыми словами своего подопечного, посланник продолжал сражаться, обдумывая все возможные выходы из прискорбного бюрократического тупика. И он продолжал развертывать свои планы, даже когда Жорж, встревоженный состоянием здоровья барона, дружески просил его это прекратить: «Когда врачи настаивали, чтобы ты уехал из Петербурга, причина была не только в полезности свежего воздуха, но и в том, чтобы ты отвлекся от дел и дал покой своему уму... Хорошо позаботься о себе, и для нас всегда будет достаточно возможностей уехать и жить там, где климат более благоприятен, и убедиться, что мы будем счастливы везде». Геккерен предпринимал усилия для покупки имения под Фрейбургом, где он мог бы когда-нибудь поселиться; он часто думал о том, чтобы покинуть Россию и ее невозможный климат; по Петербургу ходили слухи о том, что он рассматривает возможность дипломатической миссии в Вене. Обычно разумный Дантес, заклятый враг мечтаний и замков на песке, казалось, позволил энтузиазму своего благодетеля увлечь себя: «Как ты говоришь, мы должны быть, так сказать, *en famille*: поскольку теперь ты часть ее... Мой отец имеет большое имение в трех часах от Фрейбурга, на берегах Рейна, и нет ничего невозможного в том, чтобы найти собственность, с ним граничащую. Уверю тебя, это прекрасная мысль, и так как тебе нравится также и мой брат, мы сможем жениться и жить почти все вместе, всегда имея тебя в нашем распоряжении».

У Жоржа Дантеса было хрупкое сложение. А северное лето обманчиво. По вечерам Острова, бывало, окутывались влагой, пробиравшей до костей; сильные ветра задували соленый воздух через щели бревенчатых домов Новой Деревни; внезапные ливни превращали благоустроенный рай в болото; вдруг все вокруг стало напоминать об осени. Однажды вечером в конце августа кавалергард покинул бальную залу курорта весь в поту после одного из своих обычных вихрей головокружительных танцев, но на этот раз он был настолько неосторожен, что вернулся домой в открытой карете. На следующий день он не смог встать с постели: затрудненное дыхание, дрожь, жар в груди; вызванный доктор Задлер поставил диагноз – плеврит. Дантес осторожно сообщил о своей болезни Геккерену, встревоженный посланник ответил потоком советов и указаний – конкретным доказательством его права на отцовство.

*Пушкин – своей жене, Наталье Николаевне,
Михайловское, 21 сентября 1835 года*

«Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит Бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Все держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет, Бог знает. Покамест грустно. Поцелуй-ка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь...»

Согласно Луи Метману, «горячая преданность голландского посланника и его благоразумные советы, конечно, имели благотворное влияние на горячий характер 23-летнего молодого человека, который в блестящем светском окружении должен был контролировать побуждения своей импульсивной натуры». Но письма Дантеса производят иное впечатление. В них молодой человек из них двоих выглядит более благоразумным и логичным. В августе 1835 года, когда посланник слышал, что в Италии бушует холера, он подумывал над тем, чтобы изменить свои планы и вернуться в Россию раньше, чем ожидалось. Но Жорж переубедил его: «Ты знаешь, как бы я был счастлив тебя видеть, но только вчера я говорил с Задлером... Он сказал, что ни при каких условиях ты не должен возвращаться до конца года, если хочешь полностью излечиться, и он добавил, что русский климат убьет тебя; подумай, могу ли я позволить тебе вернуться после того, как услышал этот секрет... Проведи зиму в Вене или Париже, и ты явишься среди нас весной в прекрасной форме».

Жорж всегда проповедовал умеренность и здравый смысл: «Когда ты⁴ говоришь мне, что не переживешь, если что-то со мной случится, неужели ты думаешь, что эта мысль никогда не приходила и ко мне? Но я гораздо разумнее тебя, потому что я не останавливаюсь на этой мысли, но гоню ее как ужасный кошмар; в конце концов, что будет жизнь наша, если в то время, когда мы действительно счастливы, мы будем позволять нашему воображению разгуляться, беспокоясь о бедствиях, которые могут нас постигнуть? Жизнь была бы постоянным мучением».

Далеко не успокоенный логикой Жоржа, как это было бы с родным сыном, барон обиделся. Бывали моменты, когда он предпочел бы видеть у Жоржа больше импульсивности и меньше логики, и моменты, когда, терзаемый неуверенностью относительно истинных чувств своего будущего сына, он позволял беспокойству, непонятной неловкости пробиваться через его завуалированные выговоры и горькие намеки. Когда во все более усложняющемся деле усыновления возникла очередная трудность, он, например, упрекал Жоржа за то, что тот не был достаточно встревожен, и молодой человек был вынужден успокаивать его: «Я уверен, ты скоро получишь письмо, которое сделает нас обоих счастливыми. Я говорю «нас обоих», потому что в своем письме ты пишешь так, будто я рад тому, что происходит». Посланник жаловался, что его протезе выражал свои чувства к нему неискренними, пустыми фразами, обвиняя его в эпистолярной лени. Жорж утверждал, что в этом нет его вины: «Иногда мои письма так коротки, что мне стыдно их посылать, и я жду какой-нибудь сплетни о знатных жителях Петербурга для того, чтобы немного развлечь тебя».

⁴ После многих писем и некоторого колебания Дантес стал обращаться к Геккерену более фамильярно, на «ты», а не на более формальное «вы»: «Мой дорогой, ты настоящий ребенок. Как ты можешь настаивать, чтобы я называл тебя «ты». Как будто это слово может придать больше ценности мысли, как будто слова «Я люблю вас» (vous) были бы менее искренними, чем «Я люблю тебя» (tu). Кроме того, видишь ли, это стало бы привычкой, которую мне пришлось бы преодолевать в обществе, где ты занимаешь положение, не позволяющее юнцу, подобному мне, быть настолько фамильярным».

Сплетни были средством Дантеса возместить недостаток пыла, беспокоивший Геккерена. Он пересказывает случай, произошедший на свадьбе их друга Марченко. Когда священник обратился к нему с ритуальной формулировкой «*moi, Jean, le pousseur*», названный Жан, гордый своим титулом камер-юнкера, поправил священнослужителя: «*moi, Gentilhomme de la Chambre*»⁵. Весь Петербург весело смеялся над Жаном. Он рассказывал ему о последнем скандале из жизни своих театральных друзей: обнаружив, что Евдокия Истомина, самая известная русская балерина, изменила ему с приезжим парижанином, остановившимся у его коллеги Лаферьера, актер Поль Минье дал пощечину владельцу дома, где состоялось свидание; эксцентричный Лаферьер парировал, объявив, что будет продолжать играть только в том случае, если обидчик публично заявит, будто не тронул его и пальцем, и абсурдный документ соответствующего содержания распространился по всему городу вместе с программой французского театра. Он рассказывал ему, что происходило «в дипломатической семье»: граф фон Лерхенфельд, прижимистый посланник Королевства Бавария, явился на пикник с остатками ростбифа, корочкой хлеба и небольшим количеством горчицы; граф фон Брей был по уши влюблен в одну из фрейлин императрицы, но его держала на коротком поводке его любовница, Жозефина Ермолова, которая летом 1835 года преподнесла своему законному мужу превосходное незаконнорожденное дитя. Он рассказывал ему о шутовстве его товарищей по гвардии: некие умники в ложе Александринского театра бросили в актрису, чье исполнение они сочли недостаточно хорошим, интимную часть мужского белья, заполненную конфетти, «и Император напомнил слова, которые говорил нам когда-то, что если произойдет хоть малейшее недоразумение, виновные будут переведены в армию: естественно, не хотел бы оказаться на их месте, поскольку карьера бедняг будет погублена из-за нескольких шуток, которые даже не были умными или смешными, да и игра не стоила свеч». Что стало со знаменитым весельем, дерзостью и веселой беззаботностью Дантеса?

«Горячий жеребенок заиндевеливших степей». Так один поэт, возможно Маффеи, воспел Жюли Самойлову, русскую дворянку, поселившуюся в Милане в 1824 году. Юлия Павловна Самойлова впервые появилась в миланском высшем обществе 30 января 1830 года на мемориальном балу у графа Джузеппе Батьяни. Вскоре она стала известна как «русская дама из Милана», прогремевшая своими бурными любовными историями, экстравагантностью, щедростью к бедным и пышностью ее незабываемых вечеров, которые заставляли каналы Навигли, слабое подобие Невы, искриться в ночи песнями и светом. Каждый ее приезд в Россию сопровождался тем или иным скандалом. Дантес писал Геккерену в августе 1835 года: «Я все время забываю сообщить тебе подробности пребывания Жюли в Петербурге... Начну с того, что ее дом напоминал казармы, поскольку все офицеры полка проводили здесь вечер, ты можешь представить, что происходило; однако правила приличия соблюдались, поскольку осведомленные люди настаивают, что у нее рак матки». Жюли Самойлова дала большой вечер, посвященный своему дню рождения, в своем имении Славянка.

Я там не был, но рассказывают потрясающие вещи, которые не могут быть правдой. Например, что она заставила крестьянок взбираться на смазанные жиром столбы, и каждый раз, когда они падали, раздавались бесконечные радостные крики, также она заставляла крестьянок участвовать в скачках верхом на лошадях, короче говоря, самые разные подобные шалости, самое неприятное было то, что Александр Трубецкой сломал руку по дороге домой... Император узнал обо всех этих слухах и о сломанной руке Александра; на балу у Демидова на следующий день он был в гневе и, обратившись к нашему генералу, в присутствии сорока человек сказал: «Итак, офицеры вашего полка настаивают на том, чтобы творить глупости, и не успокоятся, пока я не переведу дюжину из них в армию, а что касается той женщины, — говоря

⁵ Здесь: «я, названный Жаном...» и «я, камер-юнкер...». (Примеч. пер.)

о Жюли, – она будет вести себя прилично только тогда, когда я заставлю полицию вышвырнуть ее вон». Мне очень жаль, потому что Жюли очень хороший человек, и если я и не был у нее дома, то часто с ней встречался; должен сказать тебе, что я почел за лучшее не посещать ее, поскольку Император так однозначно осудил людей, бывших у нее частыми и близкими гостями».

Чем больше мы слышим голос подлинного Дантеса, тем больше в наших глазах тает образ развращенного высокомерного авантюриста, завещанный нам многочисленными свидетелями. Были ли они слепы? Лгали? Или существовало два Дантеса: один для общества, а другой – раскрывавшийся только человеку, которому он был обязан всем, человеку, без которого, как он говорил, он «был ничем». И был ли этот второй, тайный Дантес связан с этим человеком чем-то большим, чем просто уважение и благодарность? Александр Трубецкой, кавалергард, сломавший руку по пути с деревенской оргии в Славянке домой, не имел сомнений на этот счет: «И за ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой, впрочем, мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккереном, или Геккерен жил с ним... В то время в высшем обществе было развито бугрство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккереном он играл только пассивную роль».

Среди своих современников и товарищей по военной службе, с их опрометчивым поведением и буйной развращенной жизнью, Жорж Дантес стоит особняком, как муха-альбинос. Все еще было лето, когда он писал посланнику: «В полку новые приключения. Несколько дней назад Сергей Трубецкой и несколько других моих товарищей после более чем обильного обеда в ресторане за городом начали колотить во все дома по дороге домой. Можешь представить шум, который поднялся на следующий день». Позднее он сообщил Геккерену о последствиях этой шалости: «Разразилась буря. Трубецкой, Жерве и Черкасский были переведены в армию... Понятно, что необходимо вести себя тихо, если хочешь прогуляться по проспекту и подышать свежим воздухом, а оказаться на гауптвахте можно быстро, поскольку времена сейчас тяжелые, действительно очень тяжелые, и нужно много осторожности и благоразумия, если хочешь управлять своей лодкой так, чтобы не врезаться в другие».

Весьма осторожный рулевой, ведущий свое маленькое судно через ширь российских вод, холодная голова среди опрометчивых, умеренный среди неумеренности, отстраненный и сторонний наблюдатель, Дантес рассуждает почти как Германн, главный герой пушкинской «Пиковой дамы», написанной в 1833 году. Германн каждый вечер посещает бесконечные игры в фараон, но никогда не играет; трезвый, выдержанный, уступающий приятелям в щедрости по своим средствам и характеру, полный решимости никогда не жертвовать самым необходимым в сомнительной погоне за избыточным, он живет под девизом «бережливость, умеренность, трудолюбие». Но у него «профиль Наполеона и душа Мефистофеля». Взмолванный историей о графине, знающей безошибочную формулу выигрыша, он становится одержимым ее чудесным секретом и идет на все, чтобы вырвать у нее эту тайну. Наконец призрак старой графини, причиной смерти которой он явился, открывает ему: «Тройка, семерка, туз», – и Германн впервые начинает играть; он должен выиграть огромную сумму, но дряхлая злая дама пик подмигивает ему с третьей карты, единым ударом лишая его разума и богатства.

Усмехаясь сквозь мрак самого мистического из своих рассказов, Пушкин раз и навсегда свел счеты с мефистофелевским романтизмом и объявил войну наследникам Наполеона, вновь вооруженным до зубов и марширующим по огромным российским просторам. С вершины стиля прозы еще восемнадцатого столетия, отточенной, строгой, не очень психологичной, он обличил *magivaudage* Бальзака и «фальшивую риторику» Стендаля. Конечно, это было

делом стиля, но не только стиля: Пушкин презирал и втайне боялся Растиньяков и Сорелей как неутомимых фанатиков, движимых манией завоевания, нестигаемых и методичных кузнецов своей судьбы.

Литература предваряет – не следует рабски и не копирует – жизнь. Жорж Дантес – убежденный карьерист, лощеный и бережливый, всегда внимательный к тому, чтобы не сделать неправильных движений, умелый распорядитель своего капитала, состоявшего из приятной внешности и чувства юмора, «человек практический, приехавший в Россию сделать карьеру» – рисковал потерять все, что он так прилежно и трудолюбиво собирал, когда поддался чарам превосходства, явившегося в облике восхитительной королевы всех сердец. Литература тоже вносит поправки в жизнь: в «Пиковой даме» Пушкин уже определил путь Дантеса и других героев балзаковской закваски. Но не всех и не к добру. Новые дантесы – более интеллигентные, культурные и преданные, более стесненные в средствах, но богатые идеями, теперь уже обрусевшие, уже раскольничьих – еще вернутся в Петербург, чтобы убивать.

Пушкин – своей жене,

Тригорское, 25 сентября 1835 года

«...Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? что дом наш и как ты им управляешь?.. В Михайловском нашел я всё по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарился да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одна беда: не замечай ты, мой друг, того, что я слишком замечаю. Что ты делаешь, моя красавица, в моем отсутствии?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.